

Легенды о духах и призраках никогда не вызывали у Лу Сяо доверия. Однако он никак не мог понять, как Лю Синьюань внезапно погиб в тюрьме.

Любопытство Лу Сяо всегда брало верх.

Лю Хэн, естественно, не мог просто так смириться со смертью сына. С болью в сердце он нанял судмедэксперта, чтобы тот осмотрел тело Лю Синьюаня. Как и ожидалось, выяснилось, что тот уже около полугода употреблял некий яд. Вероятно, все его необузданные поступки за это время были вызваны именно этим ядом. Лю Хэн тут же казнил нескольких служанок, которые приносили Лю Синьюаню чай и воду.

После этого он устроил в доме тщательный обыск и, услышав, что Лю Синьюань конфликтовал в Министерстве наказаний с Хэ Чжицзином, заподозрил в его смерти жену Лю Синьюаня, Хэ Вань. Хэ Вань, конечно же, кричала о своей невиновности, но старая госпожа Лю, потерявшая своего любимого внука, каждый день изливала свой гнев на неё, называя её зловещей звездой, приносящей смерть мужьям. Хэ Вань, простояв три дня в родовом храме Лю, собрала свои вещи и вернулась в родительский дом.

Лю Хэн, не найдя доказательств, но твердо уверенный в виновности невестки, каждую ночь просыпался в слезах, вспоминая, как его сын лежал с открытыми глазами в тюремной камере. С тех пор он разорвал родственные связи с семьёй Хэ и прекратил все отношения с ними при дворе.

«Старость и слепота», — подумал Лу Сяо, услышав эту историю.

Причина смерти Лю Синьюаня была ясна: хроническое отравление, которое мог осуществить только кто-то из близких. Лю Синьюань был известен своими любовными похождениями, и, не говоря уже о двух наложницах в доме, он проводил больше времени в публичных домах, чем с Хэ Вань. Если Лю Хэн не нашёл отравителя в своём доме, то этот человек, вероятно, скрывался в одном из борделей.

Когда Лу Сяо не смог найти ответа среди людей, он сразу же подумал о яде. Симптомы Лю Синьюаня включали агрессию и бред, а судмедэксперт обнаружил повреждения сердечных сосудов. Хотя Лю Синьюань и был человеком несерьёзным, он никогда не совершал ничего ужасного. Однако под действием яда он потерял контроль над собой и совершил необратимые поступки, что явно было сделано намеренно. Возможно, в мире боевых искусств существовал такой секретный яд, что исключало возможность мести со стороны мастеров боевых искусств.

Чаньянь был столицей, и все аптекари были зарегистрированы. Если бы кто-то обладал навыками создания яда, разрушающего разум, его бы уже давно обнаружили. Лу Сяо примерно представлял, куда двигаться. Наставник Цуй, обладавший обширными знаниями, феноменальной памятью и богатым опытом, стал объектом его внимания после нескольких дней размышлений.

Человек высочайшего положения...

Теперь всё стало понятно. Лю Хэн был связан с Домом государева князя Нина, и после свадьбы с семьёй Хэ они оказались на одном корабле. Ни один император не был равнодушен к искусству баланса сил, и если бы он захотел вернуть Министерство наказаний из рук князя Нина, никто бы не посмел возразить.

Дворцовые интриги не касались Лу Сяо. Единственное, что его трогало, — это судьба несчастных женщин, ставших жертвами. Лю Синьюань отправился расплачиваться за свои грехи в загробный мир, но эти женщины, которые уже пережили несправедливые страдания, вряд ли могли считать, что их месть свершилась. Жизнь простых людей, как трава под ногами, — если бы они знали об этом, что бы они почувствовали?

Лу Сяо достал из кармана конфету с кедровыми орешками и положил её в рот. Сладкий аромат постепенно успокоил его.

Когда всё закончилось, оно осталось в прошлом. Только действия Лю Хэна, направленные против Хэ Чжицзина при дворе, напоминали всем о боли от потери сына. Эта боль не исчезла, а незаметно проникла в его жизнь, преследуя его день и ночь, не давая покоя.

Лу Сяо думал, что при дворе наверняка есть и другие, кто знает правду. Возможно, Лю Хэн когда-нибудь поймёт всё из чьих-то намёков или внезапно осознает истину. Но это уже не касалось Лу Сяо. Лю Синьюань был по натуре распутником, и списывать всё на яд было лишь самоутешением Лю Хэна. Лю Синьюань действительно погубил жизни, а Лю Хэн потворствовал своему сыну. Что посеешь, то и пожнёшь — всё это лишь часть круговорота судьбы.

Жизнь Лу Сяо шла своим чередом: он вставал затемно, чтобы отправиться на службу, возвращался домой и дурачился с Лу Сюэханем, а в выходные дни проводил время с Нин Хуаем.

Погода становилась всё холоднее. Ветер гнал сухие листья вдоль дворцовых стен. Лу Сяо закутался в лёгкую шубу и направился к воротам дворца. Тонкий голос окликнул его:

— Господин Лу, подождите!

Лу Сяо обернулся и увидел евнуха, чьё лицо показалось ему слегка знакомым. Он не сразу вспомнил его имя и неопределённо сказал:

— Вы звали меня?

Евнух, оказавшийся смышлёным, улыбнулся:

— Я — Сяо Хуэйцзы, слуга главного евнуха Цао. Мой наставник поручил мне передать вам послание.

— А, это вы, господин Хуэй. Что хотел сказать господин Цао?

Сяо Хуэйцзы не стал ходить вокруг да около и прямо сказал:

— Мой наставник усыновил мальчика, который сейчас занят обустройством дома для него, но не разбирается в некоторых тонкостях. Он приглашает вас сегодня вечером в Терем Юэцзян для обсуждения.

Цао Фучжун был старым слугой императора Юнькана, даже старше его самого. Евнухи не могли иметь потомства, поэтому они усыновляли одного или двух сирот из столицы, давая им свои фамилии и заботясь о них.

Министерство налогов было разделено на множество отделов, занимающихся вопросами регистрации, соляного промысла, водного транспорта, налогов, жалованья чиновников, имущества народа и земель. Лу Сяо, будучи чиновником четвёртого ранга, отвечал за земли в Чанъане. Если усыновлённый сын Цао Фучжуна не мог разобраться в чём-то, это означало, что он присмотрел себе участок земли и хотел, чтобы Лу Сяо закрыл на это глаза.

Лу Сяо помолчал, а затем тихо сказал:

— Я понимаю. Вечером обязательно приду.

Резные балки, сверкающие огни. Лу Сяо, всё ещё в своём тёмно-красном чиновничьем одеянии, остановился у входа. Слуга, увидев, что перед ним стоит чиновник среднего ранга, тут же услужливо спросил:

— Господин, у вас есть приглашение?

— Фусяньцзюй? Проводите меня.

Лу Сяо кивнул, думая о том, что этот Цао действительно был человеком с большими деньгами. Место в Тереме Юэцзян было трудно достать, а он занял целый зал для двоих.

— А, вы гость господина Цао! Пожалуйста, проходите!

Аромат вина разносился по залу. Лу Сяо, находясь ещё в десяти шагах от двери, услышал смех женщин. Слуга открыл дверь, и перед ним предстал мужчина лет тридцати, крепкого телосложения, держащий в объятиях двух красавиц с тонкими бровями и миндалевидными глазами. Увидев Лу Сяо, он широко улыбнулся:

— Это и есть господин Лу? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! Вы действительно молодец! Я старше вас на несколько лет, если не возражаете, можете называть меня братом Цао.

Лу Сяо сдержанно улыбнулся:

— Брат Цао, вы слишком любезны.

Его звали Цао Цинъюнь, и он был единственным приёмным сыном Цао Фучжуна. Имя «Цинъюнь» говорило о надеждах, которые Цао Фучжун возлагал на своего сына.

Цао Цинъюнь, заметив, что Лу Сяо молчит, подтолкнул к нему одну из девушек. Та с кокетливой улыбкой поднесла ему чашу с вином. Лу Сяо сделал вид, что случайно опрокинул её, и вино пролилось на её платье, вызвав взрыв смеха. Цао Цинъюнь, видя его сдержанность, пристально посмотрел на Лу Сяо и сказал:

— Шуань, приведи сюда красивую певицу.

Лу Сяо чуть не поперхнулся вином и поспешил сослаться на Лу Сюэханя:

— Брат Цао, не нужно. Мой старший брат строго воспитывает меня, так что давайте обойдёмся без этого.

— Я был невнимателен, не знал, что вы такой законопослушный.

Цао Цинъюнь рассмеялся и больше не стал подшучивать над Лу Сяо. После нескольких кругов вина он перешёл к делу:

— Я слышал, что вы, брат Лу, уже два года служите при дворе и сейчас занимаете должность в Министерстве налогов. Это хорошее место. У меня есть один вопрос, не могли бы вы мне помочь?

— Говорите, брат Цао.

— Я с детства жил один, а мой приёмный отец всегда находился во дворце. Несколько лет назад я женился и завёл детей, но дом на улице Шанлинь стал слишком мал. Я хочу, чтобы мой отец мог наслаждаться жизнью в старости, поэтому думаю о переезде. Я нашёл участок земли на юге города, тихий и спокойный, идеальный для строительства дома. Что вы думаете, брат Лу?

Лу Сяо, с лёгким румянцем на щеках, но с ясным взглядом, мягко сказал:

— Брат Цао, вы действительно заботливый сын.

Цао Цинъюнь, видя, что Лу Сяо не подхватывает тему, налил себе ещё вина:

— Вы, брат, возможно, не знаете, но этот участок довольно беден, и его занимает один крестьянин. Я предложил ему деньги, чтобы он мог переехать с семьёй в другое место, но этот упрямец отказался, и это задерживает строительство дома для моего отца. Это просто разрывает мне сердце!

Чаша вина оказалась пуста, а девушки, которые их сопровождали, исчезли. Лу Сяо тихо сказал:

— Если, как вы говорите, эта земля уже занята, и владелец не хочет уходить, то... может, стоит оставить это?

<http://bllate.org/book/15439/1369292>